

УРОКИ
МХАТ

ТЕАТР И ЛИТЕРАТУРА

Поистине могущественна власть Художественного. Давно уже принадлежат ему сердца миллионов. Он родной нам, как чудесное явление русской культуры, как Кремль, Третьяковка. За эту неделю наше знакомство углубилось: великий театр открыл свою душу ташкентскому зрителю.

Традиции великой режиссуры К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко живы в работах их учеников и последователей — М. Н. Кедрова, В. Я. Станицына, Б. Н. Ливанова, М. М. Яншина, в лучших спектаклях МХАТ.

«Московский художественный театр не занимается, а коллекционирует своих артистов». Эти гордые слова Станиславского верны и сегодня. Какой театр имел и имеет такую плеяду звезд-артистов? Станиславский любил повторить притчу: «Когда орут и фальшивят в пении с маленьким голоском — неприятно, но станет фальшивить Тамань со своим громкоподобным голосом, станет страшно...». В «коллекции» талантов МХАТ фальшь немислива.

Не менее строгим и заинтересованным и чутким выглядит театр во взаимоотношениях со своими авторами.

Нет, нам кажется, на земле театра, который бы, как МХАТ, обладал столь тесными связями с литературой — подлинно большой, открывающей в человеке и эпохе вечное, новое. МХАТ увлеченно искал и ищет, создавал и создает своих драматургов, спорил и спорит с ними, получая от них бесконечно многое, очень многое давая им.

Эпизоды волнующей, чистой и строгой дружбы театра и Чехова — милые и драматичные — хрестоматийно известны. Но вспомнить их хочется еще и еще. Великий мастер живет «Вишневым садом», только что созданным, дышит его лирическим воздухом. А театр находит лишней целую сцену — Фирс и Шарлотта. Аргументация театра достаточно весома. И поблудавший, сникший автор — режут живое! — соглашается с операцией...

Не меньшее значение имела постоянная ориентация художников на МХАТ. «Не работать для Художественного театра преступление», — писал М. Горький. «Театр помогает драматургу обобщать сырой материал жизни. Любимые актеры незримо обступают стол драматурга, жеста, мимикой, интонациями помогают ему проникнуть в потемки психики», — говорил А. Н. Толстой.

Могучие индивидуальности Художественного театра помогают литераторам глубже понимать и душу человека, и особенности времени. Отсюда такая потребность видеть сценическое воплощение своих образов, их театральную «материализацию».

Без связи со своим театром трудно работать писателям. И наоборот. Недолгий кризис театра после 1905 года сами руководители МХАТ объяснили разрывом

творческих связей со своими авторами. «Чехова уже не было в живых», — писал Вл. И. Немирович-Данченко. — Произведения нашего любимого драматурга Алексея Максимовича Горького мы не могли ставить вследствие цензурных условий, а другие драматурги не радовали нас...».

После Великого Октября, в слабое и трудное время, оставаясь верным своим привязанностям и принципам, Художественный театр ищет новых связей с литературой. Новых, революционных писцов, достойных театра, еще нет. Театр идет к прозаикам.

Необычно напряженно шла работа с писателем М. Булгаковым — автором романа «Белая гвардия». Из романа возникла глубокая по мысли пьеса «Дни Турбиных». Театр добился завершенности — характеристик, компактности и динамичности произведения, обратив «в свою веру» и самого автора. М. Булгаков стал не только видным драматургом, но и членом славного коллектива МХАТ, режиссером. Его инсценировка «Мертвых душ» и поныне в репертуаре театра. А пьесы «Последние дни», «Набала святоши», «Бег», «Дон Кихот» — умные, оригинальные пьесы — составили яркие странички советской литературы.

Не многие знают о связях Художественного театра и Александра Малышкина. А между тем они любопытны. Талантливый, скромнейший из скромных, Малышкин привлек внимание режиссуры (П. Марков, Б. Вершинин). Произошла встреча Малышкина с театром, и началась самозабвенная работа, очень напряженная, оставившая большой след в творчестве писателя. «Меня ободряет ваша терпеливая внимательность — при таком отношении даже общая неудача не явится для меня чем-то болезненным, а только хорошей школой, выучившей шагать прочными осматрительными шагами», — писал он.

Пьеса действительно не увидела сцены. Но общение с МХАТ не пропало даром. Следы его — в окончании «Севастополя», в романе «Люди из захолустья», его достойнейших характерах, удивительном диалоге...

Крупнейшей вехой в истории МХАТ осталась работа над пьесой «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова — блестящее утверждение революционно-героической линии в советском театре. Но прежде чем появился знаменитый спектакль с Вершининым — Началовым, Пеклевановым — Хмелевым, театр многое сделал, чтобы родилась сама пьеса.

Настоящая страсть открывать таланты, вмещиваться в их формирование великолепно видна в отношениях Художественного театра с Леоновым. «В Леонова я влюблен как в писателя», — говорил Станиславский. — Моя задача в том, чтобы в нем родился драматург».

Рождение, точнее соиздание, драматурга не было легким. Стани-

славский «был безжалостен в своей суровой правдивости... Он говорил ему (Леонову) откровенно и прямо, что он как режиссер, как сценический деятель не может принять литературных приемов Леонова... Он учил его отжимать и сокращать. Он показывал ему, идя на сцену, как желаемое для Леонова действие можно выразить не многословной тирадой, а поведением, отношением героя плюс какие-то две фразы, нужные и меткие для данного слова». (Р. Сохильский).

Свидетельством потрясающей энергии и внимательности к литераторам могло бы служить отношение Художественного к десяткам других советских писателей. Назовем А. Толстого, Н. Погодина, А. Крона, К. Симонова, А. Корнейчука.

С 1934 года театр носит имя Максима Горького. Горьковский гуманизм, почти легендарная горьковская внимательность к «пишущей братии», горьковская требовательность — на знамени МХАТ.

Я написал обо всем этом под впечатлением только что увиденных в Ташкенте спектаклей и описаний, вполне деловых предложений: изучая опыт МХАТ, деятели театрального искусства Узбекистана должны обратить сугубое внимание на взаимоотношения театра с авторами, на его заботу о репертуаре, заинтересованность и участие в деле рождения новых пьес. А это как раз то, что нам нужно.

М. ЯХЬЯЕВ.

ЛАБОРАТОРИЯ МАСТЕРСТВА

Беседой народного артиста СССР М. Н. Кедрова «Метод Станиславского — основа национального театра» началась семинар режиссеров, работников постановочных частей мастера МХАТ будут встречаться со своими ташкентскими коллегами по искусству.

— На семинаре, который явится для нас лабораторией мастерства, — говорит заместитель председателя Театрального общества Узбекистана Р. Кариев, — мы услышим лекции и беседы на темы режиссерского и актерского искусства. Мы узнаем о новых методах и технике работы людей, которые для зрителей всегда остаются за кулисами, — эримеров, осветителей, машинистов сцен.

На снимке: Михаил Николаевич Кедров среди участников семинара. Фото А. Палекова.